

ти. В этом случае рефлексивная компетентность как готовность к профессиональной рефлексии выступает фактором совершенствования личности руководителя и определяет ее саморазвитие. Таким образом может обеспечиваться инновационный характер управленческой деятельности. Причем, сам механизм рефлексии обеспечивает адекватное развитие всех остальных видов профессиональной компетентности управленцев. Как показывает практика, развитие рефлексивной компетентности хорошо осуществляется в рамках рефлексивно-творческого подхода к построению инновационных обучающих практик на основе социально-ориентированного гуманитарного знания.

Т. Д. Шутова
Челябинск

ЕДИНСТВО ЭРОСА И ТАНАТОСА КАК МИФОЛОГЕМА МИРО-ТВОРЧЕСТВА

Проблема танатологии Эроса приобрела актуальность в XX в. Это связано не только с личностными переживаниями по поводу утраты близких людей, утраты часто бессмысленной и непредсказуемой. Оно означает рост эсхатологических настроений в обществе, ожидания конца света. Мир как бы теряет свою целостность и энергичность. Возникает вопрос — имеет ли общечеловеческая культура наработанный “механизм” преодоления кризисных ситуаций? Может ли общество возродиться после “умирания”, снова пережить состояние подъема, ощутить прилив невиданной энергии?

Необходимо внимательно рассмотреть в то наследие, которое было нам оставлено эпохой мифотворчества. Миф строит природу и человека где-то на горизонте неба и земли, который в быту является кладбищем и могилой. Социализация началась с осознания человеком “смертности”, и кладбища как места захоронений являются своеобразным символом рождения человеческой истории. Роль “смерти” как катализатора культуры оказывается неопределимой. В мифологическом сознании понятий “жизни”, “смерти” не существует. Целью нашего сообщения является попытка увязать образ “смерти” или “преисподней” с той силой, которая, превращая “смерть” в новую “жизнь”, стремится к целостности Бытия и которая именуется Эросом.

Особенности мифовосприятия описаны многими исследователями (М. Евзлин, А. Потебня, В. Пропп, О. Фрейденоберг, Дж. Фрэзер и др.). Мифологическое сознание было образным, нерасчлененным, характеризующееся слитностью объекта и

субъекта, где человек — это светоч, который не умирает, продолжает жить, странствует в небе, выходит из преисподней. Конструируется мир на том свете, и смерть принимается за план жизни. Образ “смерти” всегда связывается с образом “жизни”, хотя — в зависимости от культурного контекста — в различные периоды данной эпохи эта связь “переосмысливается”.

Мифы пронизывают всю жизнь первобытного человека. И сюжет их — космогонно-эсхатологический: Небо и Земля повсеместно оцениваются как супружеская пара, стоящая в начале теогонического процесса. Мир обновляется всякий раз, как осуществляется этот брачный союз, после очередного “умирания” и “гибели”. Сакральный брак между небом и землей, богом и богиней, царем и царицей, каждым мужчиной и каждой женщиной означал победу и новое рождение. Образ “смерти” или “преисподней” являлся воплощением женского, хтонического начала, соприкосновение с которым было опасным, о чем свидетельствуют многочисленные мифы. Но это соприкосновение одновременно являлось необходимым в процессе возрождения мира. Эрос как раз являлся тем стремлением, которое вынуждает вступать в брачный союз противоположные силы и восстанавливать утраченное единство.

Космогонические мифы описывают разделение мировых начал и определение отношений между ними, которые после начального смешения становится противопоставлением. Но это противопоставление не абсолютно, оно является конечным результатом преодоления божеством хаотической неразличенности внутри себя то, что есть смерть или ничто. И разделение на мужское и женское является основанием всякой бытийности.

Космогонический процесс можно рассматривать как самопорождение и самовыход из первичного хаоса в результате возникшего в его рядах “напряжения”, неуправляемой энергичности Эроса. Но самовыход осуществляется частично. Об этой частичности свидетельствует существование подземной страны и ее жителей и богах. Можно говорить о своего рода мифологической “эволюции” подземного мира и его обитателях как об “эмбрионах”, не преодолевших своей изначальной “утробности”. Окончательное разделение между верхним и нижним миром, характерное для позднеродовой мифологии, означает определение отношений между двумя мирами как отношения между жизнью и смертью. Это есть некое движение в хаос и из хаоса или череда смертей и рождений. Необходимость возобновления мирового цикла является результатом истощения энергетических ресурсов на всех уровнях. Мужское начало пред-

ставляется началом формообразующим, творческим и активным. Но всякая форма изнашивается и ослабевает, поскольку процесс формообразования энтропичен и энергоистощим. Поэтому мировая форма-структура должна быть снова поглощена некоей аморфностью, вернуться в хаос, в оргию, во “тьму”, т. е. слиться с женским началом, хтонической силой. “Впускание хаоса” в структурированный мир, достигающего кульминации в оргиях, имеющего своей целью возобновления мирового цикла, подразумевает, что всякое иное соприкосновение с хаосом опасно. Двойственность ритуала как процесса, контролирующего соприкосновение с деструктурными элементами мироздания, обусловлено самой двойственностью образа “смерти”: как “поглощения”, “исчезновения”, “захода”; но и как будущего “возрождения”, “обновления”, “восхода”.

Очевидно, что связь Эроса как стремления к целостности и единству Космоса и человека-мира с образом “смерти” в мифологическом сознании непосредственно связано. Возрождение и обновление мира невозможно без энергичности Эроса, ее непрерывного циркулирования. Это дает основание предполагать то, что наш мир, характеризующийся в настоящее время саморазорванностью бытия и хаосом, уже на уровне подсознания ищет пути преодоления разорванности и обретения целостности посредством различных форм Эроса. Осознание же необходимости функционирования такого “механизма” спасения человека-мира придаст движению дополнительный импульс, возможно, ускорит преодоление кризисного состояния.

А. М. Бекарев
Нижний Новгород

ПОСТЫЛЫЕ ДЕТИ КУЛЬТУРЫ (агрессия и власть)

Мы многое делаем машинально. Например, думаем, что культура обречена плестись за экономикой, как собака за своим хозяином. Еще бы: ведь власть концентрированно выражает экономику, а культура — это падчерица власти. Исходя из местного колорита, мы с уверенностью скажем, что власть не любит свою “золушку”, не дает ей денег. И влачит нищая отечественная культура свое жалкое существование, доедая, доживая и донашивая то, что достается ей с барского стола власти. Экономика — старшая дочь. Ей — половину царства. Политика помладше — ей столько же. А культуре надо давать бесплатные